

Однако правитель Ся и так не помнил почерка Цэнь Цюхэ. Он лишь знал, что в последнее время тот тесно общался с молодым господином Утуном, и что Цэнь Цюхэ вот-вот исполнится семнадцать. А сам правитель Ся в шестнадцать-семнадцать лет занимался вещами...

Слуги, обыскав чертог Утуна, вскоре нашли в его покоях несколько таких же шелковых платков с написанными на них любовными стихами.

Как бы ни кричали о своей невинности молодой господин Утун и Цэнь Цюхэ, правитель Ся и слушать не стал. Утуна казнили на месте, а Цэнь Цюхэ приговорили к тридцати ударам палками и году домашнего ареста для размышлений о проступке.

Ко дворцовому пиру в честь праздника Юаньсяо Цэнь Цюхэ, даже если бы не находился под арестом, все равно не смог бы явиться — он лежал в постели, не в силах и пошевелиться.

В ночь под Новый год правитель Ся неожиданно прибыл в чертог Цзиншу, чтобы провести время с госпожой Чжоу и маленьким принцем Цзибаем. Раньше такого никогда не случалось.

Правитель Ся всегда любил забавляться с красавицами, и госпожа Чжоу иногда составляла ему компанию, но вот тихо встретить ночь с женой и ребенком он прежде не удосуживался.

Глядя на седеющие виски правителя Ся, на его глаза, почти исчезнувшие в складках жира, Цэнь Цзибай вдруг осознал: перед ним — старик.

Предательство двух сыновей стало для правителя Ся тяжким ударом. Он, кажется, и сам ощущал свою увядающую силу, а с ней приходили глубокая безнадежность и немощь.

Возможно, из-за тучности правитель Ся в последнее время часто чувствовал себя неважно. Талантами в управлении государством он не блистал, в военном деле не разбирался. На севере царства Ся западные жуны и северные ди жадно поглядывали на их земли, а на юге лежало царство Юй. Благодаря частым брачным союзам отношения с Юй оставались сносными, вот только северные рубежи никогда не знали покоя.

Северную армию царства Ся, особенно на северо-востоке, также звали армией семьи Линь. И не только потому, что Линь контролировали ее испокон веков. На деле двор и не выплачивал ей жалованья, оказывая поддержку лишь в военное время. Огромные территории на севере были завоеваны самой семьей Линь. Они распределяли землю между своими солдатами, и те, возделывая поля и сражаясь, защищали север как собственную родину. Разумеется, армия семьи Линь налогов в Линьян не платила.

Десятки поколений правителей Ся сменяли друг друга — были среди них посредственные, мудрые, а также такие же слабоумные, как он. Семья Линь переживала взлеты и падения, но мятежных настроений никогда не проявляла. Семья Цэнь пыталась ослабить Линь, но действовать слишком жестко не решалась.

Северные земли, конечно, не шли ни в какое сравнение с процветающей столицей, но сила семьи Линь заключалась в том, что каждый ее член мог разгуливать у правителя Ся под носом, и ни один монарх не осмеливался поднять на них руку. Ведь если Линь исчезнут, кто станет защищать север? Коль падут северные ворота, равнины центральных земель окажутся беззащитны перед двумя северными царствами.

Возможно, те, кто повидал много битв, не спешат развязывать новые войны. Независимо от того, доверял ли правитель Ся семье Линь, сейчас у него не было ни сил ее подавить, ни отваги вступить в схватку, где победителя не будет.

Из двух оставшихся сыновей, сделай он наследным принцем Цэнь Цюхэ, отношения с царством Юй остались бы мирными, а север прикрывала бы армия семьи Линь. Как монарх, правитель Ся полагал, что сможет дожить свои дни в покое и умереть с миром. Но коль наследником станет Цэнь Цзибай, с Юй могут возникнуть осложнения. Однако Цэнь Цюхэ раздражал его все больше, а Цэнь Цзибай — нравился.

Цэнь Цзибаю было всего десять. Десятилетний ребенок привязан к матери, верит отцу, слегка хитер, но вся его хитрость направлена на помощь родителям. Его уловки были слишком очевидны, слишком просты. Он всего лишь хотел, чтобы отец проводил больше времени с матерью, чтобы родители уделяли больше внимания ему самому. В его мире царили мелкие ссоры да детские обиды — он понимал, что чувства нужно порой скрывать, но радость или досаду утаить не мог.

Родители любят младших детей, и правитель Ся находил это вполне естественным.

Госпожа Чжоу мечтала еще об одном ребенке и все последние годы приглашала лучших лекарей, но тщетно. В эту ночь, увидев правителя Ся, она тщательно принарядилась, и в уголках ее глаз не было ни морщинки — она ничуть не уступала двадцатитрехлетним девицам.

Но в эту ночь правитель Ся пребывал в мрачном расположении духа и, не дожидаясь, чтобы его упрашивали, напился до беспамятства.

К часу Хай Цэнь Цзибай уже едва держался на ногах от усталости. Госпожа Чжоу велела ему идти отдыхать.

На самом деле Цэнь Цзибай не так уж и хотел спать. Устроившись на ложе, он притворился сонным и вспомнил, что оставил меч в покоях матери. Тогда он позвал Цин Цзюня, чтобы тот принес оружие.

Сказав это, он закрыл глаза, а Син Ин погасил свет.

Под утро в комнате послышался шорох. Чутко спавший Цэнь Цзибай понял: это вернулся Цин Цзюнь и кладет меч. Он усмехнулся про себя, подумав, что госпожа Чжоу, так жаждавшая ребенка, скоро получит желаемое.

На следующий день наступил Новый год, и с самого утра Цэнь Цзибай ломал голову: как же передать Серебряного Инея Линь Цзиню на вечернем пиру? Подождать, пока семья Линь станет уходить, и тогда вручить коня? А если Линь Цзинь откажется...

Например, подвести к нему Серебряного Инея и сказать: «Вот, держи...»

Цэнь Цзибай покачал головой.

Сун Сяоси не стал бы скрывать от Цэнь Цзибая, что обменял коня, да и Цэнь Цзибай знал, что Сун Сяоси признал госпожу Линь приемной матерью. Но это не значило, что Линь Цзинь примет его дар. Более того, прежде чем он успеет что-то сказать Линь Цзиню, Сун Сяоси уже устроит сцену, доставив тому кучу хлопот.

Цэнь Цзибай чувствовал, что Линь Цзинь, скорее всего, возненавидит его еще сильнее.

Среди детей семьи Линь Линь Сюнь был излишне простодушен, но Линь Ду и Линь Цзинь, с детства близкий ко второму брату, такими не были.

Линь Сюнь, вернувшись домой, не смог толком ничего объяснить, и Линь Цзинь велел ему больше не расспрашивать о третьем принце. Прошло два дня, а из дворца не поступало никаких вестей. К концу декабря, когда уже приближался пир Юаньсяо, Цэнь Цзибай так и не проронил ни слова о том, как забрать коня.

Тогда Линь Цзинь понял: Цэнь Цзибай просто не хотел отдавать Серебряного Инея Сун Сяоси, а его, Линь Цзиня, использовал как прикрытие.

Линь Цзинь возмущенно думал, что быть прикрытием — дело не бесплатное.

В тот день он рано прибыл во дворец. Хотя третий сын семьи Линь не общался с принцами и принцессами, он пришел к Сун Сяоси.

В чертоге Вэйлань Сун Сяоси все еще спорил с дядей, стоит ли спать после полудня. Он рвался к брату Чухо, но Сун Чжияо сказал, что Цэнь Цзибай сейчас отдыхает. Сун Сяоси заявил: «Когда я приду, брат Чухо уже проснется».

Сун Чжияо спросил: «А если нет?»

Сун Сяоси ответил: «Тогда разбужу его».

Сун Чжияо покачал головой: «А если он рассердится?»

Сун Сяоси лишь однажды видел, как Цэнь Цзибай сердится на конюшне, и вспомнил, что это было страшновато. «Тогда подожду», — сказал он.

Сун Чжияо вздохнул и с сожалением произнес: «Ты слишком простодушен, и в этом моя вина. Раньше...» Раньше, возможно, не стоило использовать Сун Сяоси как ширму для своих отношений с Цэнь Цзибаем.

Пока дядя и племянник беседовали, слуга доложил о прибытии третьего сына семьи Линь.

Сун Чжияо уже знал, что Сун Сяоси признал госпожу Линь приемной матерью, да и семья Линь прислала приглашение на встречу второго числа. По сравнению с Цэнь Цзибаем Сун Чжияо куда охотнее отпустил бы племянника с людьми из дома Линь.

Линь Цзинь обменялся с Сун Чжияо обычными любезностями и пригласил Сун Сяоси прогуляться. Сун Чжияо отпустил их. Поскольку он «принимал лекарства и соблюдал покой», ему не следовало часто показываться в садах.

Линь Цзинь недолюбливал Сун Сяоси, не выносил, когда тот величал его «братом Чухо» или «третьим братом». Но пришел он к Сун Сяоси не для забав, а чтобы тот отвел его на конюшню и помог забрать Серебряного Инея, о котором Сун Сяоси так грезил.

Если коня забрать не удастся — что ж, это станет разоблачением лжи Цэнь Цзибая, и Сун Сяоси узнает, что его обманывают. Лучше всего, если Сун Сяоси устроит потом сцену Цэнь Цзибаю, — тогда Линь Цзинь будет доволен.

Использовать его как прикрытие?.. Как бы не так!

Сун Сяоси, как и говорил Сун Чжияо, был простодушен. Он собирался будить брата Чухо, но дядя сказал, что тот, возможно, спит, поэтому он сначала повел Линь Цзиня взглянуть на Серебряного Инея.

Прибыв на конюшню, они узнали, что Цэнь Цзибай поместил Серебряного Инея в свою личную конюшню.

<http://bllate.org/book/15933/1423881>